
ВАН ХАЙДУН

ИЗМЕНЕНИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЙ КАРТЫ В «БОЛЬШОЙ ИГРЕ» В ОКЕАНИИ НАЧАЛА XXI В.*

В статье представлено объяснение того, почему в Южно-Тихоокеанском регионе создается особая геостратегическая конъюнктура интересов великих держав в 2020-х гг. На основе источниковой базы отражен курс развитых и развивающихся стран Океании. Изложены перспективы изменения геополитических интересов развитых и развивающихся стран ЮТР к 2030–2050-м гг.

Ключевые слова: Австралия и Океания, Южно-Тихоокеанский регион, ЮТР, Новая Зеландия, Фиджи, Папуа – Новая Гвинея, Австралия, курс США в ЮТР, политика США в Тихом океане, Тихий океан, Азиатско-Тихоокеанский регион, АТР.

Введение

Развивающиеся государства Океании, переживающие последствия локальных конфликтов второй половины XX – начала XXI в., пока не имеют четкой идеи, эффективных средств и возможностей заявить о себе как о будущих региональных лидерах и центрах силы многополярного мира с ареалом влияния внутри региона. Все описанные ниже процессы в комплексных международных отношениях Южно-Тихоокеанского региона (ЮТР) заложили в регионе особую архитектуру существующей геополитической реальности, которая будет развиваться к 2030–2050-м гг. (см. список литературы в конце статьи).

Еще в середине 1990-х гг. ведущими экспертами был дан точный прогноз, воплотившийся к 2020-м гг.: о переходе от глобали-

* **Для цитирования:** Ван Хайдун. 2023. Изменения геостратегической карты в «Большой игре» в Океании начала XXI в. *Историческая психология и социология истории* 2: 79–90. DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.04.

For citation: Van Haidung. 2023. Changes in the Geostrategic Map of the “Great Game” in Oceania at the Beginning of the 21st Century. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii = Historical Psychology & Sociology* 2: 79–90 (in Russian). DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.04.

Историческая психология и социология истории 2/2023 79–90
DOI: 10.30884/ipsi/2023.02.04

зации к регионализации с формированием множества центров силы по всему миру. Данные процессы уже активно способствуют укреплению и созданию новых региональных лидеров во всех уголках мира от Азии и Африки до Латинской Америки. Но эти процессы, при всем вышеописанном, словно бы остановились в Южно-Тихоокеанском регионе. Объясняется это наличием только двух развитых государств с англосаксонским правящим аппаратом, с титульным населением, тяготеющим к политическому курсу США и Великобритании. Это ведет к неспособности создания у Австралии и Новой Зеландии какого-либо сильного вектора противовеса в форме отстаивания собственных национальных интересов в Океании.

Цель исследования

Дать прогноз и изложить обозримые и отдаленные перспективы формирования новых центров силы многополярного мира в Океании на базе авторитетных источников.

Основная часть

Австралийский Союз, позиционирующий себя с 1970-х гг. как реального активного регионального лидера ЮТР (Скоробогатых 2015; 2016а; 2016б; 2018а; 2018б; 2021; Симония и др. 2021; Горбанев и др. 2023), выступает в роли парадоксального государства с точки зрения ведущей державы и при этом ведомого в фарватере политики Великобритании и США (Захарьев 2021б; 2017а). До середины 2010-х гг. именно самостоятельная внешняя и внутренняя политика в стране ослабевала, тогда как ущерб от слепого следования воле Вашингтона и Лондона все более ощущают национальная экономика и население континента.

Основным фактором здесь выступает проамериканская англосаксонская по своему генезису и менталитету элита Австралии. Она ведет свою политику в фарватере курса Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). При этом истеблишмент активно и часто без оценки последствий уничтожает все положительные направления, созданные предыдущими кабинетами правительства и национальным бизнесом в 1970–2000-х гг. (Скоробогатых 2015; 2016а; 2016б; 2018а). С середины 2010-х гг., согласно официальным источникам, прослеживается значительное ухудшение отношений Австралийского Союза с Китайской Народной Республикой (КНР), Российской Федерацией (РФ), Пятой республикой (Францией), Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ) и другими государ-

ствами, имеющими прямые конфронтации с США и Соединенным Королевством. Такая политика континента не учитывает главного: отсутствия возмещения нарастающих убытков, которые в перспективе приведут к катастрофе экономики – от сельского хозяйства на базе химических удобрений до сокращения экспорта сырья в КНР без замены альтернативными рынками потребления в США, Великобритании, Евросоюзе и Канаде. Усугубляются проблемы для промышленного капитала страны. Демографический рост населения за счет естественного прироста и волн мигрантов также создает не решенную пока проблему трудоустройства и интеграции вновь прибывших. Мультикультурализм поощряет национальные анклав-ы без метисации, но не вливание в общую систему ценностей, что поляризует общество и дает дополнительные стимулы к двойному росту теневой экономики в эмигрантской среде.

Подобное можно наблюдать в настоящее время во Франции, ФРГ и других развитых странах мира. Усугубляется параллельно и проблема технологического суверенитета страны, поскольку активно навязывается импорт программного обеспечения из Соединенного Королевства и США – от софтов логистики до операционных систем широкого профиля, от образовательных программ до управления сегментами высоких технологий и прилегающих к ним научно-производственных комплексов. Будучи активной ведущей державой региона при Т. Эбботе в конце 2000-х гг., уже к 2020-м гг. Австралия трансформировалась в своей внешней политике в ведомого развитого игрока по модели Канады. Даже условное и относительное равноправие Канберры с Лондоном и Вашингтоном в блоке AUKUS не дало государству реальных самостоятельных рычагов давления на международной арене. Антикитайская по своей сути многонациональная организация «Транстихоокеанское партнерство» (ТТП) показала США необходимость наличия более сжатого альянса на базе англосаксонской элиты, пусть и с потерями ряда территорий влияния в АТР. Причина такого согласия в невозможности эффективно управлять и заставить национальные элиты и этнические меньшинства Азии играть по американским правилам себе в убыток без реальных гарантий компенсации. Пока не находится каких-либо решений о способах возмещения ущерба (Захарьев 2021б; 2017а).

Не меньшей проблемой выступает не забытая в Южно-Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии (ЮВА) агрессивная политика Т. Эббота в адрес данных государств (Скоробогатых 2015;

2016а; 2016б; 2018а), поскольку объявление государством себя ведущей экономикой Океании в противовес бедным странам ЮТР покорило правительства последних, а вот объявление себя членом блока АСЕАН, в который Канберра никогда не входила, привела к мгновенным ответам из стран ЮВА и миллиардным убыткам, указавшим Австралии ее место партнера в форматах АСЕАН+. Эти неудачи и активное английское и американское лобби в правящих элитах Австралийского Союза привели к сменам политиков в министерствах и трансформации курса внешней политики государства в формат ведомого государства по отношению к Лондону и Вашингтону (Захарьев 2021б).

Не добились значительных успехов и Новая Зеландия (НЗ) (Стефанчук 2015; Захарьев 2019в; Захарьев и др. 2016; Хазанов, Воронин 2022), несмотря на свой курс «мягкой силы», серьезно контрастирующий с Канберрой. Веллингтон строил в начале XXI в. свою внешнюю политику в регионе без агрессивной риторики Австралии при Т. Эбботе. Этот контраст куда больше располагал к диалогу развивающиеся страны ЮТР. Однако к 2023 г. стало понятно, что ввиду своей региональной специфики (Захарьев 2019в) и отсутствия необходимого объема ресурсов государство не может стать сильным региональным центром в Океании. Инициативы государства активно подавляют США, Австралия, Великобритания и Китай. Ввиду схожей по национальному составу с самым маленьким континентом англосаксонской правящей элиты (Скоробогатых 2018б; 2021; Симония и др. 2021; Горбанев и др. 2023; Захарьев 2022в) Новую Зеландию пытаются заставить вступить в AUKUS. Другими словами, полностью интегрировать в фарватер англо-американской внешней политики ЮТР по сценарию членства в британском Содружестве наций. Новая Зеландия, так же как и Австралия, сократила ряд программ продвижения своего культурного влияния во внешней политике. Однако, в отличие от Канберры, Веллингтону удалось наладить отношения с КНР по ряду совместных проектов: от эксплуатации ресурсных баз островов Кука до логистики двустороннего импорта (Захарьев 2019в). Осложняет укрепление авторитета Новой Зеландии проблема сливов радиоактивного топлива судами ВМФ США, поскольку Веллингтон позиционирует себя как государство с высокими экологическими стандартами (Пале 2022). НЗ с 1990-х гг. успешно осуществляет ряд программ помощи бедным развивающимся странам ЮТР, в том

числе знаменитый план взаимопомощи военных сил развивающихся стран ЮТР и ЮВА – МАР (Захарьев 2019в). Хотя авторитет Веллингтона во всех развивающихся странах Океании благодаря «мягкой силе» велик и неоспорим, очевидно, что этого недостаточно ввиду вышеописанных причин. Таким образом, и вторая экономика ЮТР так и не смогла стать консолидирующим региональным лидером. Поскольку само государство «сверху» в своей внешней политике к этому не стремится, а население «снизу» не побуждает элиту к подобным инициативам, НЗ так и остается на задворках региона и мира.

Развивающиеся страны Океании

Так как две ведущие экономики ЮТР демонстрируют свою неспособность стать по-настоящему самостоятельными новыми региональными центрами в многополярном мире, рассмотрим возможные перспективные центры силы к 2030–2050-м гг. в среде развивающихся государств Океании (Захарьев 2022в; 2022а; 2022б; 2019в; 2023; 2021а; 2021б; 2020а; 2020б; 2019а; 2019б; 2017а; 2017б; 2015; Белая 2022; Гукасян 2021; 2022; Дробот, Макаров 2022; Костин, Березовская 2022; Пале 2022; 2021; Антошин 2021; Дробот 2021; Рыбалко 2021; Захарьев и др. 2016; Гришко 2019; Арди, Малетин 2021; Хазанов, Воронин 2022).

Фиджи. Архипелаг благодаря стабильным внешним инвестициям имеет достаточный потенциал и предпосылки к экономическому развитию. В стране развиты сектора добывающей и легкой промышленности, растущий за счет внешних технологий энергетический сектор, туризм и банковское дело (в том числе офшорные транзакции). В государстве действуют активные зоны свободной торговли, позволяющие минимизировать налогообложение. В отличие от аналогичных зон Мезоамерики Фиджи не испытывают мощное давление со стороны США, требующих прекратить данную деятельность. Однако это способствует и росту финансового теневого сектора, поскольку банки часто используются как организации-прокладки для легализации теневых доходов со всего мира. Главной проблемой страны является то, что многие жители страны, около 30 %, живут в бедности за пределами прожиточного минимума. Это позволяет говорить о возможностях применения дешевой рабочей силы в ряде отраслей и секторов. Однако пока правительство не разработало эффективную внутреннюю политику (Костин, Березовская 2022; Дробот 2021).

Папуа – Новая Гвинея (ПНГ). Второе по площади государство и одна из активно развивающихся экономик региона имеет обозримые перспективы эффективного экономического развития. В 2010-х гг. был проведен комплекс кадастровых и муниципальных региональных реформ. Это дало 70 % национального кадастра открытых земель к 2017 г., что позволило инвесторам активнее вкладывать капиталы в сырьевой и сельскохозяйственный сектора страны, точно зная, на что и куда пойдут их средства (Захарьев 2017б). Благодаря такому быстрому притоку стабильных данных капиталов ПНГ начинает более активный импорт технологий для диверсификации сырьевой экономики за счет не только разнообразных видов туризма, но и кластерных производств тяжелой и легкой промышленности. В перспективе на 2030–2050-е гг. такой курс даст стране шанс если не войти в состав пятой-шестой волны новых индустриальных стран (НИС) благодаря минимальным издержкам и дешевой рабочей силе, то оказаться в одной из последующих волн.

Хотя сделано многое, ПНГ имеет и серьезные проблемы, такие как ряд тлеющих локальных кровопролитных конфликтов между племенами острова Новая Гвинея, референдум на острове Бугенвиль в 2019 г. (Захарьев 2019а; 2019б). Де-юре никто не признал суверенитет Аравы, что оставило мятежную богатую ресурсами провинцию в составе государства, но последствия войны 1988–1997 гг. также лежат тяжким бременем на Порт-Морсби (Он же 2017б). Правительство острова, по сути, легко ведет суверенную деятельность де-факто: налоги не поступают в столицу, ряд государств уже напрямую договаривается с Аравой без необходимых процедур взаимодействия с центральным правительством в столице ПНГ. Самое богатое в мире месторождение меди и прочие ценные ресурсы Бугенвиля являются объектом притяжения для ведущих держав мира. Таким образом, обратной стороной медали является отказ ведущих держав мира помочь Порт-Морсби наладить контроль над провинцией (Он же 2019а; 2019б).

Другой проблемой является граница с Индонезией (Арди, Малетин 2021; Хазанов, Воронин 2022). Проведенная по линейке с целью разграничить колониальные владения европейских держав в XIX в., как в Азии и Африке, она породила множество локальных конфликтов между проживающими в данной зоне племенами, чьи ареалы обитания и земли не были приняты во внимание при разграничении, а также конфликт на уровне центральных правительств.

Постепенное заболачивание Явы, ведущее к уничтожению пригодных для обитания земель, а также их поглощение водами мирового океана уже побудили индонезийское правительство строить новую столицу на высоких берегах Калимантана, с одной стороны, и с другой – задуматься о дальнейшем, более масштабном переселении части титульного большинства населения в восточные провинции. Обладая половиной не развитого технически острова Новая Гвинея после отторжения Восточного Тимора, Джакарта заинтересована в приобретении новых территорий, которые помогут поднять престиж страны. Напряжение на межгосударственном уровне слабое ввиду неразвитости приграничных территорий с обеих сторон и неготовности ни Индонезии, ни Папуа – Новой Гвинеи решать вопросы с коренным племенным населением, которое относительно свободно перемещается из одного государства в другое ввиду отсутствия реальных государственных границ (Он же 2019а; 2019б; 2017б; Хазанов, Воронин 2022).

Возможность политического объединения развивающихся стран ЮТР

Развивающиеся страны ЮТР на международной арене освоили эффективный инструмент торговли своими голосами в ООН. Поскольку правительства в среднем держатся около 3–6 месяцев, голоса перепродаются и покупаются развитыми странами. Наиболее частыми покупателями их голосов выступают США, однако в 2008 г. РФ поспособствовала короткому признанию Науру Абхазии и Южной Осетии. После очередной смены правительства и перекупа голоса США государство отозвало решение.

Несмотря на такую торговлю, развивающиеся страны ЮТР пока не осознали возможность коллективного взаимодействия на данном поле (Дробот 2021; Рыбалко 2021; Гришко 2019; Арди, Малетин 2021). Ведь продажа оптом голосов по сговору правительств могла бы создать уже региональную силу, составляющую в коллективной форме регионального игрока ЮТР на базе именно развивающихся стран без участия Австралии и Новой Зеландии. С данным объединением внешние игроки уже строили бы отношения на совершенно ином уровне. Такая модель могла бы поспособствовать решению ряда региональных и национальных социальных проблем. Однако пока ввиду коррупции полученные от продажи голосов в ООН средства не идут на экономическое развитие и создание эффективного альянса развивающихся стран ЮТР.

Внешние игроки в ЮТР

Существует большое количество внешних игроков: государств, национальных меньшинств и корпораций, которые активно инвестируют в развитие и развивающиеся государства ЮТР. Однако в случае со странами Океании данные средства пока не способствуют формированию новых центров силы в данном регионе. Две развитые страны используют полученные средства в рамках развития национальных экономик и благотворительных программ. Развивающиеся страны имеют разнообразные статьи расходов: от обслуживания государственных долгов и восстановления экономик после локальных конфликтов, волн всемирного экономического кризиса, пандемии коронавируса (Скоробогатых 2015) до узких специфических проблем субрегионального толка (Захарьев 2022в), таких как последствия стихийных бедствий, компенсации семьям иностранцев, съеденных или просто убитых племенами канныбалов, активный импорт лекарств (прежде всего инсулина ввиду повального диабета из-за фруктовой диеты масс населения в ЮТР), обновления линеек вооружений и гражданского флота (чистый импорт), вопросы сохранения объектов культурного наследия. На удивление после Бугенвильской кампании (Он же 2019а; 2019б) нет конфликта и у внешних инвесторов, которые поделили ниши в ЮТР таким образом, чтобы минимизировать издержки и затраты, включая конфликт хуацяо ЮВА и компаний КНР в Океании (Он же 2022б; 2023; 2020а; 2020б; 2015). Конфликт разрешился в формах договоренностей не только в ЮТР, но и в Африке. Таким образом, отсутствие конкуренции не дает региону дополнительных средств, как это было со странами Азии, Африки и Латинской Америки во время противостояния США и СССР в 1960–1980-х гг. Меньше ресурсов для развивающихся стран означает и сокращение для них возможностей реализации своего нового регионального статуса и/или предпосылок к данным изменениям (Дробот, Макаров 2022; Костин, Березовская 2022; Дробот 2021; Рыбалко 2021).

Заключение

Описанные в статье комплексные проблемы Южно-Тихоокеанского региона дают читателю панорамную картину понимания происходящих процессов, отвечают на вопрос, почему в Океании не появляется сильного регионального лидера из числа двух разви-

тых и ряда развивающихся стран (см. список литературы в конце статьи). Если в развитых Новой Зеландии и Австралии проблема заключается в едином курсе англосаксонских элит с США и Великобританией, то развивающиеся государства ЮТР имеют комплекс нерешенных проблем, требующих инновационных и качественных индивидуальных подходов. Их возможности стать региональными лидерами в форме некоего коллективного субрегионального объединения (Дробот, Макаров 2022; Кости, Березовская 2022; Дробот 2021; Рыбалко 2021, Арди, Малетин 2021) вполне реальны. Такое объединение выведет их роль на международной арене на новый уровень, заставив относиться к ним по-другому ведущие державы мира (Значкова, Канаев 2019; Захарьев 2019в; 2023; 2021а; 2021б; 2020а; 2020б; 2019а; 2019б; 2017а; 2017б; 2015; Белая 2022; Гукасян 2021; 2022; Дробот, Макаров 2022; Костин, Березовская 2022; Пале 2022; 2021; Антошин 2021; Дробот 2021; Рыбалко 2021; Захарьев и др. 2016; Гришко 2019; Арди, Малетин 2021; Хазанов, Воронин 2022).

Литература

Антошин, А. В. 2021. Этнокультурные и политические процессы в Океании в конце XIX – начале XX вв. в произведениях основоположников российской версии марксизма. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 5–15.

Арди, А., Малетин, Н. П. 2021. АСЕАН и ЮТР в 2010–2020-х гг.: актуальные проблемы региональных международных отношений. *Историческая психология и социология истории* 14(2): 159–166.

Белая, Н. А. 2022. Современные направления энергетического сотрудничества Японии и стран ЮТР. В: Захарьев 2022а: 10–29.

Горбанев, В. А., Лебедев, С. Н., Костина, К. А., Банчева, А. И., Божко, Н. А., Скоробогатых, Н. С., Линдер, В. И. 2023. Австралия. *Большая российская энциклопедия* 1. URL: <https://bigenc.ru/c/avstraliia-gosudarstvo-1692da>.

Гришко, А. В. 2019. Изменение баланса сил в Южно-Тихоокеанском регионе: как новые игроки выигрывают у ведущей экономики Океании к концу второго десятилетия XXI века. *Научное обозрение: теория и практика* 9(10): 1592–1598.

Гукасян, Г. Л.

2021. Перспективы торгово-экономического взаимодействия между Австралией, Новой Зеландией и странами ССАГПЗ. В: Захарьев, Я. О.

(гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 30–63.

2022. Австралия и Новая Зеландия во внешнеэкономических связях ССАГПЗ. В: Захарьев 2022а: 33–45.

Дробот, Е. В. 2021. Сравнительный анализ национальной конкурентоспособности независимых государств Южно-Тихоокеанского региона. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 46–77.

Дробот, Е. В., Макаров, И. Н. 2022. Участие крупных государств Южно-Тихоокеанского региона в глобальных цепочках создания стоимости и управление рисками в условиях пандемии COVID-19. В: Захарьев 2022а: 64–107.

Захарьев, Я. О.

2015. Несостоявшееся чудо транзитного региона для бизнеса китайской общины Индонезии и Филиппин в 2000–2014 гг. *Научное обозрение* 19: 213–216.

2017а. Австралия и Канада: тактики ведущего и ведомого в условиях глобального экономического кризиса. *Экономические отношения* 7(2): 177–182.

2017б. Папуа – Новая Гвинея: проблемы экономической интеграции в начале XXI века. *Экономические отношения* 7(3): 279–286.

2019а. Бугенвиль. Референдум-2019: перспективы и старые вопросы экономических отношений. В: Матвеева, Е. А. (отв. ред.), *Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения*: в 2 т. Т. 1. Иркутск, с. 171–176.

2019б. Бугенвиль: тлеющий региональный конфликт и объект геостратегических экономических интересов участников «Большой игры». *Экономические отношения* 9(3): 1549–1562.

2019в. Мягкая сила Новой Зеландии в 2010–2020 гг. В: Сидорова, Г. М. (ред.), *Южно-Тихоокеанский регион: история, политика, экономика, культура*. М.: ОнтоПринт, с. 148–156.

2020а. Демократическая Республика Конго. Новый объект экспансии для хуацяо Юго-Восточной Азии в Африке: обозримые перспективы в 2020–2030 гг. *Экономические отношения* 10(1): 63–72.

2020б. Инвестирования китайскими компаниями Юго-Восточной Азии в Демократическую Республику Конго. *Казачество* 45(3): 100–105.

2021а. Пандемия вируса COVID-19 в Южно-Тихоокеанском регионе в 2020–2021 гг. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 110–120.

2021б. Почему Австралия превращается в развитого ведомого игрока глобального и регионального пространства. *Экономические отношения* 11(3): 557–564.

2022а (ред.). *Австралия и Океания: архитектура геостратегических интересов в начале XXI века*. М.: ОнтоПринт.

2022б. Актуальные вопросы инвестиций корпораций хуацяо Юго-Восточной Азии в Океанию и Африку. В: Захарьев 2022а: 108–117.

2022в. Предисловие. В: Захарьев 2022а: 4–9.

2023. Новые формы консолидации китайской общины Юго-Восточной Азии в начале XXI века. *Исторический бюллетень* 6(2): 14–17.

Захарьев, Я. О., Скрипниченко, А. В., Александрин, О. И. 2016. Геополитическая геостратегия АТР: Новая Зеландия в 2010–2020-х гг. *Казачество* 22(9): 27–35.

Значкова, А. П., Канаев, Е. А. 2019. Южно-Тихоокеанский регион в 2010-х гг.: новые изменения в геостратегической карте интересов «Большой игры». *Вестник развития науки и образования* 3: 86–91.

Костин, К. Б. Березовская, А. А. 2022. Вопросы логистики и экономической интеграции Южного Тихоокеанского региона в начале XXI века. В: Захарьев 2022а: 119–153.

Пале, С. Е.

2011. *Постколониальные конфликты в странах Океании*. М.: ИВ РАН.

2021. Гавайи как часть ЮТР в культурно-исторической ретроспективе. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 16–32.

2022. Ядерный вопрос в Южно-Тихоокеанском регионе. В: Захарьев 2022а: 179–204.

Рыбалко, М. Л. 2021. Проблема коллективного действия при создании интеграционных объединений южной части Тихого океана. В: Захарьев, Я. О. (гл. ред.), *Австралия и Океания: история, культура, политика, экономика*. М.: ОнтоПринт, с. 110–120.

Симония, А. А., Другов, А. Ю., Фомичева, Е. А., Скоробогатых, Н. С., Соколов, А. А. 2021. *Многоликая элита Востока*. Т. 3. М.: ИВ РАН.

Скоробогатых, Н. С.

2015. *История Австралии. XX век*. М.: ИВ РАН.

2016а. Взлет и падение Тони Эббота. Ч. I. Внутриполитическая ситуация. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития* 30: 153–174.

2016б. Взлет и падение Тони Эббота. Часть 2. Международный курс и смена руководства. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития* 31: 149–171.

2018а. Проблема культурно-национальной идентичности в контексте австралийской модели мультикультурализма. *Труды Института востоковедения РАН* 10: 231–244.

2018б. Неонацизм в современной Австралии: реальна ли угроза. *Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*. Сер.: Социальные и гуманитарные науки 3(19): 46–66.

2021. «Государство всеобщего благоденствия» в Австралии по версии лейбористов Гофа Уитлема. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития* 4(4): 225–239.

Стефанчук, Л. Г. 2015. *История Новой Зеландии XX век*. М.: ИВ РАН.

Хазанов, А. М., Воронин, С. А. 2022. Экономические и территориальные претензии государств АСЕАН к странам Южно-Тихоокеанского региона в контексте серых схем межрегиональной теневой экономики. *Теневая экономика* 6(1): 61–73.

Drobot, E. V. 2020. Comparative Analysis of the International Competitiveness of the Region (on the Example of Independent States of the South Pacific Region). *Экономические отношения* 2: 279–306.